

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2026, Том 18, № 4 / 2026, Vol. 18, Iss. 4 <https://esj.today/issue-4-2026.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/30ECVN426.pdf>

DOI: 10.15862/30ECVN426 (<https://doi.org/10.15862/30ECVN426>)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Тарасов, М. Ю. Взаимосвязь динамики глобальной валютной кризисогенности и трансформации мировой валютно-финансовой системы / М. Ю. Тарасов // Вестник евразийской науки. — 2026. — Т. 18. — № 4. — URL: <https://esj.today/PDF/30ECVN426.pdf>. DOI: 10.15862/30ECVN426.

For citation:

Tarasov M.Yu. The relationship between global currency crisis proneness dynamics and the transformation of the international monetary system. *The Eurasian Scientific Journal*. 2026;18(4): 30ECVN426. Available at: <https://esj.today/PDF/30ECVN426.pdf>. DOI: 10.15862/30ECVN426. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 339.7

Тарасов Михаил Юрьевич

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации», Москва, Россия
Аспирант

E-mail: tarasov.mihal@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9038-9842>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1084997

Взаимосвязь динамики глобальной валютной кризисогенности и трансформации мировой валютно-финансовой системы

Аннотация. В работе исследуются природа и тенденции развития глобальной валютной кризисогенности в контексте трансформации мировой валютно-финансовой системы. Актуальность темы обусловлена переходом от товарного к фидуциарному стандарту, усилившему влияние макро- и внешнеэкономических факторов на волатильность обменных курсов. На основе обобщения российских исследований, посвящённых кризисогенности международной экономики и мировой валютно-финансовой системы, и ряда аналогичных зарубежных трудов уточняется понятие «кризисогенность» и раскрывается сущность феномена глобальной валютной кризисогенности. В статье приведён обзор основных исторических этапов развития мировой валютно-финансовой системы (Парижский, Генуэзский, Бреттон-Вудский, Ямайский) и выделены особенности её эволюции. Полученные выводы и результаты компаративистского анализа подходов к идентификации валютных кризисов способствовали разработке показателя «уровень глобальной валютной кризисогенности». Он позволяет выразить в абсолютных величинах количество кризисных эпизодов и охарактеризовать масштабы распространения валютно-финансовой нестабильности в мире. На основе ретроспективного дескриптивно-статистического анализа долгосрочной динамики номинального обменного курса получены соответствующие временные ряды. Использование баз данных Гарвардской школы бизнеса (70 стран за 1800–2024 гг.) и Банка международных расчётов (190 стран и территорий за 1960–2025 гг.) позволило установить взаимосвязь между динамикой глобальной валютной кризисогенности и трансформацией мировой валютно-финансовой системы. В частности, проведена периодизация развития глобальной валютной кризисогенности (Эра валютной кризисогенности, Великая эпоха валютных кризисов). В исследовании выявлено, что повышение её уровня происходит при переходе от одного этапа трансформации мировой

валютно-финансовой системы к другому. При этом валютные кризисы выступают одновременно первопричиной, издержками и продуктом такой трансформации.

Ключевые слова: мировая валютно-финансовая система; валютный кризис; валютная кризисогенность; уровень кризисогенности; валютно-финансовая архитектура; трансформация валютной системы; обменный курс

Введение

На протяжении длительного времени в рамках традиционных экономических школ (классической, неоклассической, кейнсианской и т. д.) кризисы рассматривались как случайное и временное отклонение от нормального состояния экономической системы, вызванное шоками различной направленности: политическими событиями, войнами, природными катаклизмами и др. Считалось, что после прохождения острой фазы система восстанавливается и начинает функционировать в прежнем режиме. При таком взгляде кризисы рассматривались как заданные извне, экзогенные. Данные рассуждения выглядели вполне логичными и в действительности находили подтверждение применительно к национальным экономикам. Однако если вывести дискуссию о природе кризисов в плоскость глобальной экономики и поставить вопрос о причинах кризиса глобальной экономики, то, безусловно, сложно выделить и назвать такие экзогенные факторы. Появление, а также увеличение количества и частоты международных экономических потрясений (Великая депрессия 1929–1933 гг., Великая инфляция и Великая стагфляция 1960-х и 1970-х гг., Великая рецессия 2008–2009 гг., Великая блокировка 2020–2021 гг., Великое санкционное противостояние 2020-х гг.), охватывающих значительную часть национальных экономик, потребовало пересмотреть представление об исключительно экзогенной природе кризисов.

Переосмысление природы кризисов заставляет искать их причины внутри самой глобальной экономики. Внутренняя предрасположенность системы к порождению таких потрясений и называется кризисогенностью. Как будет показано в работе, ключевым источником глобальной экономической кризисогенности выступает валютная сфера. Через валютные операции она связывает воедино международную торговлю, мировые финансовые и товарные рынки и пронизывает всю систему международных экономических отношений. Именно поэтому исследование глобальной валютной кризисогенности актуально. При этом масштабы валютно-финансовой нестабильности напрямую зависят от устройства и трансформации мировой валютно-финансовой системы.

Цель исследования — теоретико-методологическое обоснование и количественная оценка долгосрочной динамики уровня глобальной валютной кризисогенности в контексте смены международных валютных порядков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- систематизировать теоретические подходы российских и зарубежных исследователей к определению сущностного содержания понятия «кризисогенность» и на этой основе раскрыть экономическую природу феномена валютной кризисогенности;
- проанализировать основные исторические этапы и выделить ключевые особенности трансформации мировой валютно-финансовой системы;
- провести компаративистский анализ подходов к идентификации валютных кризисов и с опорой на его результаты предложить и апробировать (рассчитать) показатель, характеризующий уровень и динамику глобальной валютной кризисогенности;
- оценить взаимосвязь развития глобальной валютной кризисогенности и трансформации мировой валютно-финансовой системы на основе полученных эмпирических данных с выявлением закономерностей и особенностей данного процесса.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что динамика глобальной валютной кризисогенности носит нелинейный и неравномерный характер, который определяется текущим этапом развития мировой валютно-финансовой системы, а также уровнем её дисфункциональности (накоплением внутренних противоречий и дисбалансов) и степенью трансформационности (интенсивностью перехода от одного международного валютного порядка к другому).

Методы и материалы

Область настоящего исследования сфокусирована на теоретическом анализе природы глобальной кризисогенности и закономерностях развития валютной кризисогенности как её специфической формы, а также на трансформационных процессах смены этапов развития мировой валютно-финансовой системы. В качестве ориентира для периодизации развития мировой валютно-финансовой системы выбран классический подход российских исследователей, предполагающий выделение четырёх последовательных этапов (систем) и их хронологических рамок: Парижского (1867–1914 гг.), Генуэзского (1922–1939 гг.), Бреттон-Вудского (1944–1971 гг.) и Ямайского (с 1976 г. по настоящее время). В свою очередь, мониторинг и оценка динамики глобальной валютной кризисогенности осуществляются посредством дескриптивно-статистического анализа долгосрочной динамики количества самих валютных кризисов.

Методологическую основу выбора критериев идентификации валютных кризисов составили концептуальные подходы ведущих российских и зарубежных исследователей, а также аналитические разработки международных институтов и финансовых организаций. В качестве эмпирического материала использовались лонгитюдные данные о динамике среднегодового номинального обменного курса, извлечённые из статистических баз данных Гарвардской школы бизнеса (по выборке из 70 стран за период с 1800 по 2024 гг.) и Банка международных расчётов (БМР) (по 190 странам и территориям за период с 1960 по 2025 гг.). На основе этих данных для каждой исследуемой страны (территории) было рассчитано ежегодное относительное изменение номинального курса по отношению к предшествующему периоду. Агрегирование данных по совокупности стран и территорий, столкнувшихся с валютным кризисом в конкретном году, позволило определить количественное значение уровня глобальной валютной кризисогенности и построить его долгосрочную динамику. Сопоставление такой динамики и этапов трансформации мировой валютно-финансовой системы способствовало выявлению закономерностей и особенностей развития глобальной валютной кризисогенности.

Общая и валютная кризисогенность

В зарубежной научной литературе находят отражение семантические аналоги российского понятия «кризисогенность». Зачастую исследователи прибегают к использованию дескрипторов «*crisis-prone*» («склонный к кризисам») для характеристики системы [1, с. 563] и «*risk-generating*» («генерирующий риски») для описания процессов и явлений, формирующих различные угрозы [2, с. 4]. Другими содержательными эквивалентами отечественного понятия «кризисогенность» выступают такие термины, как «*crisis-proneness*» («подверженность кризисным явлениям») [3, с. 6–7] и «*systemic vulnerability*» («системная уязвимость») [4, с. 2].

Специфика применения указанных понятий зависит от уровня проводимого экономического анализа. Понятие «*crisis-proneness*» используется для обозначения системного свойства или системной способности к воспроизводству кризисов и, соответственно, отражает чисто теоретический уровень исследования. Дескриптор «*crisis-prone*» применяется на структурном уровне в качестве качественной характеристики конкретного экономического объекта или

модели развития. Категория «*risk-generating*» служит для описания процессуального контура нестабильности, раскрывая динамический уровень и конкретные механизмы генерации финансовых и экономических угроз. Термин «*systemic vulnerability*» используется на прикладном уровне для оценки текущей хрупкости финансовой или экономической системы через призму количественного накопления внутренних дисбалансов.

В российской научной литературе понятие «кризисогенность» носит междисциплинарный характер. Сама идея «кризисогенности» была заимствована экономистами из социальной философии, политологии и социологии, в частности, из исследований В. Н. Лексина [5; 6], в которых данный феномен рассматривается как системное свойство и близок к зарубежному семантическому аналогу «*crisis-proneness*». Так, В. Н. Лексин, рассматривая макросистемные трансформации, определяет кризисогенность в общем смысле как «свойство (способность) любой социо-экономико-политической системы периодически разбалансировать собственную целостность, создавать диспропорции между отдельными элементами системы и ослаблять связи между ними» [6, с. 25]. При этом подчеркивалась эндогенная (внутренняя) природа данного явления. Кроме того, В. Н. Лексин выделяет сугубо экономическую кризисогенность (например, классические кризисы перепроизводства) и цивилизационную кризисогенность, которая порождается «глубокой деформацией и гипертрофией внутренних ценностных ориентиров общества» [6, с. 25–26].

Анализ публикационной активности в научной электронной библиотеке «*eLibrary.ru*» показывает, что оформление понятия «кризисогенность» применительно к глобальным экономическим процессам первоначально во многом связано с работами С. Н. Сильвестрова [7–9], который рассматривает феномен кризисогенности в качестве имманентного системного свойства, что соотносится с англоязычным дескриптором «*crisis-proneness*». Начиная с конца 2000-х гг., он последовательно изучает «зоны кризисогенности мировой экономики, системные риски для её устойчивого и сбалансированного развития» [7, с. 5], а также обосновывает переход мировой экономической системы в длительный период кризисогенности глобального развития, смещая фокус научной дискуссии с анализа отдельных внешних шоков на исследование заложенной дисфункциональности наднациональных институтов [8; 9]. Дальнейшее исследование кризисогенности мировой экономической системы или отдельных её элементов представлено в работах российских учёных.

В контексте исследования И. А. Балюка [10] понятие «кризисогенность» раскрывается через призму финансиализации и цифровизации, усиливающих разрыв между спекулятивным и реальным секторами экономики, как динамический, непрерывный процесс, соответствующий категории «*risk-generating*». В трудах А. В. Кузнецова [11; 12], а также Ф. А. Смирнова и А. В. Головкова [13] данный феномен выступает как характеристика конкретной доллароцентричной модели международной валютно-финансовой архитектуры, что соотносится с дескриптором «*crisis-prone*». При этом А. В. Кузнецов [11; 12] доказывает, что уязвимость валютно-финансовой системы предопределена её архитектурой: доминированием доллара США и асимметрией доступа к ликвидности, а Ф. А. Смирнов и А. В. Головков [13] обосновывают необходимость трансформации мировой валютно-финансовой системы из-за неэффективности прежних механизмов стабилизации в условиях геополитической фрагментации. Напротив, Ф. К. Ибрагимов [14; 15] и С. А. Морозов [16] в своих работах смещают акцент на прикладную оценку уязвимости долговой структуры, текущей дестабилизации валютных и фондовых рынков и волатильности потоков капитала на уровне мировой и национальной экономики, что сближает их подход с прикладным анализом «*systemic vulnerability*». Так, Ф. К. Ибрагимов [14; 15] фокусируется на дестабилизации рынков под влиянием геополитических рисков и вынужденной дедолларизации, в то время как С. А. Морозов [16] исследует долговой аспект проблемы, выявляя каналы распространения кризисов в странах с высокой зависимостью от внешнего финансирования.

В работах, посвящённых кризисогенности развития глобальной экономики, у указанных российских исследователей прослеживается несколько общих моментов. Во-первых, все они в качестве источника повышенного уровня кризисогенности выделяют сложившуюся мировую валютно-финансовую систему и соответствующий ей международный валютный порядок с доминированием американского доллара.

Во-вторых, общим для этих подходов является смещение фокуса с внешних шоков на внутренние, эндогенные источники кризисов. Кризисогенность здесь трактуется не как результат случайного потрясения, а как свойство самой системы, которая «воспроизводит» уязвимости через действующий порядок.

В-третьих, указанные исследования прямо или косвенно подчёркивают особую роль именно валютной сферы как основного канала трансляции кризисогенности в современной глобальной экономике. Валютные механизмы пронизывают практически все ключевые финансово-экономические процессы: от движения капитала и обслуживания долга до формирования условий внешней торговли и доступа к ресурсам международного финансового рынка. При этом уязвимость в валютной сфере редко носит изолированный характер. Она тесно переплетается с другими типами рисков, многократно увеличивая общий кризисный потенциал [17; 18]. Поэтому валютная составляющая фактически выступает своего рода «усилителем» кризисогенности глобальной экономической системы.

Таким образом, кризисогенность глобальной экономики — это имманентная предрасположенность международной экономической системы к самостоятельному генерированию финансовых и экономических потрясений. При этом её имманентность обусловлена структурными особенностями и противоречиями самой системы.

Как уже было отмечено, валютная сфера — ключевой канал трансляции кризисогенности в современной глобальной экономике. С учётом проведённого компаративистского понятийно-категориального анализа можно выделить два подхода к определению содержания валютной кризисогенности. С более широкой, теоретической, точки зрения валютная кризисогенность — это имманентное свойство мировой валютно-финансовой системы, выражающееся в её «врождённой» предрасположенности к различным, регулярно возникающим валютно-финансовым потрясениям. С более узкой, прикладной, точки зрения валютная кризисогенность — это состояние валютной нестабильности и повышенных валютных рисков, при котором возникают валютные кризисы или вероятность их наступления крайне высока.

С одной стороны, динамика валютной кризисогенности представляет собой своеобразный индикатор состояния как мировой валютно-финансовой системы, так и глобальной экономики в целом. С другой стороны, трансформационные процессы в международных экономических отношениях сами оказывают на неё определяющее влияние. В связи с чем исследование динамики глобальной валютной кризисогенности невозможно без глубокого анализа этапов эволюции мировой валютно-финансовой системы.

Трансформация мировой валютно-финансовой системы

Современная мировая валютно-финансовая система часто воспринимается как нечто неизменное и существовавшее всегда. Однако по историческим меркам международный валютный порядок начал оформляться относительно недавно — на протяжении последних трёх веков — и с тех пор неоднократно видоизменялся. Свою нынешнюю, наиболее привычную форму он приобрел за последние полвека. Главная проблема, определяющая динамику этого процесса, заключается в поиске баланса между устойчивостью глобальной денежной системы и высокой волатильностью международных рынков, макро- и внешнеэкономических параметров, экономической действительности в целом. Как бы ни менялась международная

архитектура валютно-финансовой системы, обеспечение финансовой стабильности в быстро меняющемся мире всегда оставалось серьёзным вызовом для правительственных структур и денежных властей.

В течение длительного времени золотой стандарт позволял решать указанную проблему. Обеспечивая жёсткую привязку национальных валют к золоту путём установления и поддержания золотого паритета, эта система гарантировала высокую ценовую стабильность, предсказуемость расчётов по международным сделкам и автоматическое выравнивание платёжных балансов стран (в том числе за счёт механизма «золотых точек»), при этом колебания обменных курсов составляли, как правило, не более 1–2 % [19].

Родиной золотого стандарта в том виде, в котором он оформился в XVIII веке, признана Англия. Фундамент этой стабильности был заложен ещё королевой Елизаветой I, которая в 1560–1561 гг. стабилизировала фунт стерлингов, жёстко привязав его к фиксированному весу чистого серебра [20]. На протяжении более чем трёх столетий обменный курс английской валюты вычерчивал удивительно прямую линию в таблице европейских монет [20]. Устойчивость финансовой системы позволяла государству веками привлекать дешёвый иностранный капитал, а в XVIII столетии плавно перевести эту многолетнюю стабильность на рельсы классического золотого монометаллизма, просуществовавшего до первой трети XX века.

Успешный британский опыт заложил основу для глобальной унификации национальных валютных порядков. Однако на международном уровне этому процессу предшествовал длительный период валютной дезорганизации. До второй половины XIX века единых общемировых валютных стандартов не существовало, а национальные денежные системы опирались на разные металлы. Часть стран использовала серебряный монометаллизм, другие ориентировались на золото, а в ряде стран (например, во Франции) функционировал биметаллизм, режим одновременного хождения золотых и серебряных монет [21]. Постоянные колебания рыночной стоимости серебра относительно золота порождали курсовую непредсказуемость, провоцировали спекуляции и тяжело обременяли трансграничные расчёты. Логическим итогом указанных процессов стало подписание ряда соглашений на Парижской международной конференции (1867 г.)¹, которая институционально закрепила золото в качестве единственной формы мировых денег [19]. Таким образом, локальный британский золотой стандарт трансформировался в Парижскую валютную систему. Она стала первым в истории официально закреплённым международным валютным порядком. В её рамках ведущие индустриальные страны, вслед за Англией, зафиксировали золотое содержание своих национальных валют.

Серьёзным ударом по золотому стандарту стала Первая мировая война (1914–1918 гг.). Резкое увеличение военного финансирования, раздувание внутреннего и внешнего государственного долга, а также покрытие бюджетных дефицитов через бумажно-денежную эмиссию фактически разрушили прежний механизм поддержания золотых паритетов. Золотой стандарт формально декларировался, но фактически перестал функционировать в полной мере. Свободный обмен банкнот на благородный металл был приостановлен. Попытка восстановить международную валютно-финансовую архитектуру была предпринята на Генуэзской конференции в апреле — мае 1922 г.²

¹ Conférence monétaire internationale. Procès verbaux. — Режим доступа: URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/010445065> (дата обращения: 15.07.2026).

² Материалы Генуэзской конференции: (Подготовка, отчёты заседаний, работы комиссий, дипломатическая переписка и пр.). Составитель и редактор Г. Б. Сандомирский] — Москва, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, Народный комиссариат по иностранным делам. — 1922. — 459 с. — Режим доступа: URL: <https://www.prlib.ru/item/718026> (дата обращения: 15.07.2026).

Данное событие ознаменовало переход к новому этапу глобального валютно-финансового регулирования и заложило фундамент Генуэзской валютной системы (1922–1944 гг.).

Если в рамках Парижской системы действовал классический золотомонетный стандарт, то Генуэзский валютный порядок базировался на золотослитковом и золотодевизном стандартах. Свободная чеканка и обращение монет уступили место оптовым межправительственным операциям со слитками. Для трансграничных расчётов стали применяться девизы (привязанные к золоту иностранные валюты, сохранявшие право на свободную конвертацию в металл). Роль девизов до девальваций 1930-х гг. выполняли британский фунт стерлингов, доллар США и французский франк [19, с. 294].

Внедрение Генуэзских принципов глобального валютно-финансового регулирования привело к трём ключевым последствиям. Во-первых, золото было полностью выведено из внутреннего оборота с сохранением его использования в сфере межгосударственных внешнеэкономических расчётов. Во-вторых, сформировался институт резервных валют, главным образом, американского доллара и фунта стерлингов, боровшихся за глобальное лидерство на международном валютном рынке. В-третьих, новый глобальный валютный порядок зафиксировал переход к системе частичного (усечённого) золотого обеспечения.

Катализатором крушения Генуэзского валютного порядка послужил мировой экономический кризис 1929–1933 гг. Великая депрессия одновременно поразила как ведущие индустриальные державы, так и государства аграрно-сырьевой периферии [22]. Столкнувшись с резким спадом внутреннего производства и сжатием международных торговых потоков, правительства и центральные банки были вынуждены прибегнуть к политике конкурентных девальваций [23; 24]. Данный шаг был направлен на искусственное стимулирование национальных экспортёров в условиях глобальной экономической нестабильности.

Разрушительные для национальных экономик последствия Второй мировой войны (1939–1945 гг.) заставили правительства ведущих стран вплотную заняться поиском новой глобальной модели валютно-финансового взаимодействия. По инициативе США летом 1944 г. состоялась Бреттон-Вудская валютная конференция, ставшая площадкой для обсуждения ключевых проектов реформирования мировой валютно-финансовой системы. Основная дискуссия развернулась вокруг концептуальных планов, представленных Дж. Кейнсом от Великобритании и Г. Уайтом от США [19; 25].

Британская делегация настаивала на гибких валютных курсах с возможностью изменения границ их колебаний. Дж. Кейнс предлагал учредить Международный клиринговый союз и ввести наднациональную расчётную единицу «банкор», не имеющую жёсткой привязки к золоту [25; 26]. Эта система должна была поддерживать платёжные балансы, кредитовать центральные банки и сдерживать спекулятивное движение капитала.

Американский план опирался на особое послевоенное положение США как главного держателя мировых золотых запасов, сосредоточившего порядка 65–70 % совокупных официальных международных резервов на своей территории. Г. Уайт отстаивал идею жёсткой фиксации обменных курсов к золоту, где доллар США (или наднациональный «юнитас», имеющий золотое содержание, эквивалентное 10 долл. США) становился бы главной резервной валютой [25; 26]. Вместо клирингового союза американская сторона продвигала создание Стабилизационного фонда для предоставления целевых кредитов и противодействия конкурентным девальвациям [19].

Итогом конференции стало оформление Бреттон-Вудской валютно-финансовой системы (1944–1971 гг.), базировавшейся на золотодолларовом стандарте. Цена американской валюты была жёстко привязана к благородному металлу из расчёта 35 долл. США за тройскую унцию. На правительства и денежные власти возлагалось обязательство удерживать колебания курсов

национальных валют в строгих рамках (не более 1 % от согласованного паритета), что требовало регулярных валютных интервенций. Институциональным каркасом нового международного валютно-финансового порядка выступили учреждённые наднациональные организации: Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР).³

В этой вновь созданной глобальной модели валютно-финансового устройства США фактически масштабировали исторический опыт своего главного оппонента — Великобритании. Именно она исторически стала первым государством, сформировавшим централизованную денежную систему и реализовавшим на практике концепцию резервного актива для сглаживания внешнеэкономических дисбалансов. Архитектура золотодолларового стандарта 1944 г. наглядно демонстрирует, что Вашингтон перенял и адаптировал под себя фундаментальные британские принципы организации международного финансового взаимодействия.

Развитие Бреттон-Вудской модели было неоднородным. Если в 1946–1957 гг. глобальная экономика испытывала острый дефицит долларовой ликвидности, что обеспечивало устойчивость действовавшего тогда золотодолларового порядка, то в 1958–1971 гг. ситуация кардинально изменилась. Период «долларового голода» закономерно сменился эпохой «долларового пресыщения». Стремительное ухудшение платёжного баланса США породило хроническую нестабильность ключевой резервной валюты и обнажило внутреннее противоречие золотодолларового стандарта (парадокс Р. Триффина) [27].

Кульминация кризиса Бреттон-Вудской валютно-финансовой системы пришлась на начало 1970-х гг. Совокупный дефицит американского платёжного баланса за 1970–1972 гг. достиг 17,4 млрд долл. США [28, с. 67]. Объёмы золотого запаса Вашингтона физически больше не могли покрывать объёмы долларовой массы, находившейся в международном обороте. Возник риск системного дефолта, поскольку американские денежные власти были не способны удовлетворить потенциальные требования иностранных центральных банков о конвертации накопленных ими долларов в жёлтый металл. Реакцией на этот вызов стали «никсоновский шок» 1971 г. и решение администрации Р. Никсона полностью ликвидировать золотое обеспечение доллара [19]. Окончательный демонтаж прежней валютно-финансовой архитектуры и переход к свободно плавающим курсам были юридически закреплены в 1976 г. на Ямайской валютной конференции.

Современный международный валютный порядок функционирует в рамках Ямайской валютно-финансовой системы (1976 г. — н.в.), которая институционализировала переход глобальной экономики к фидуциарному (фиатному, бумажно-денежному) стандарту. Ключевыми вехами её становления стали окончательная демонетизация золота и масштабная либерализация трансграничных расчётов по статьям платёжного баланса. Закрепленное наднациональными соглашениями право государств самостоятельно определять принципы курсообразования привело к диверсификации национальных денежно-кредитных и валютных политик, а также стремительному росту числа режимов свободного и управляемого валютного плавания [19; 29].

Процессы трансформации мировой валютно-финансовой системы, описанные выше, не развивались линейно, равномерно или бесшовно. Они неизбежно предопределяли как общую кризисогенность глобальной экономики в целом, так и динамику валютной кризисогенности в частности.

---

³ United Nations Monetary and Financial Conference: Bretton Woods, New Hampshire, July 1 to July 22, 1944: final act and related documents. Режим доступа: URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/011400352> (дата обращения: 15.07.2026).

Сама валютная кризисогенность, выступая одновременно и первопричиной, и прямым результатом, и сопутствующими трансформационными издержками смены одного международного валютного порядка другим, на практике проявляется в росте количества, частоты и глубины валютных кризисов.

Валютные кризисы и динамика глобальной валютной кризисогенности

Наиболее распространённой и типичной формой проявления глобальной валютной кризисогенности выступают крахи обменных курсов национальных валют. Под валютным кризисом подразумевается ситуация внезапного, существенного и продолжительного снижения номинального валютного курса. Вопрос о величине такого снижения, позволяющей идентифицировать валютное потрясение именно как валютный кризис, а не случайную деструктивную флуктуацию, остаётся сложным, неоднозначным и поэтому открытым. На текущий момент в экономической науке не сложился единый подход к пороговым значениям падения обменного курса, позволяющим судить о наличии кризисных явлений в валютной сфере [14].

Исследователи по-разному определяют количественные границы валютных кризисов. Например, К. Рейнхарт и К. Рогофф считают главным маркером валютной нестабильности падение годового курса валюты более чем на 15 % [30, с. 7]. Схожую планку девальвации используют Г. Милези-Ферретти и А. Разин, которые для проверки устойчивости эконометрических моделей применяют вариативный фильтр с порогом годового обесценения курса в 15 % [31, с. 20]. М. Ф. Монтес и В. В. Попов предлагают более жёсткие временные рамки: они фиксируют кризис, если национальная валюта теряет 25–30 % своей стоимости по отношению к иностранным валютам всего за несколько месяцев [32, с. 17]. Этот подход частично близок к классической методике Дж. Франкеля и Э. Роуза. Они заявляют о валютном крахе при годовом обесценении валюты на 25 % и более, при ускорении темпов падения не менее чем на 10 % по сравнению с прошлым годом [33, с. 352–353].

В свою очередь, Р. К. Финстра и А. М. Тейлор разделяют критические пороги по уровню развития национальных экономик. По их мнению, на валютный кризис в развитой стране указывает падение курса на 10–15 %, тогда как для развивающихся рынков эта планка выше — от 20 до 25 %.⁴ Свой оригинальный двухфакторный идентификационный фильтр использует аналитический центр японской корпорации «*Nomura*». Он констатирует валютный кризис только при одновременном выполнении двух условий: если валюта теряет по отношению к американскому доллару от 10 % за один месяц, и если этот сдвиг превышает исторический тренд валютной волатильности (с 1990 г.) сразу на четыре стандартных отклонения (4σ) [34, с. 185].

Глобальным стандартом в современной практике МВФ по идентификации и анализу валютных кризисов считается методология Л. Лавена и Ф. Валенсии. В официальной базе данных системных кризисов фонда (*Systemic Banking Crises Database*) они фиксируют валютный крах при годовом номинальном обесценении национальной валюты к доллару США на величину не менее 30 % (при обязательном ускорении темпов девальвации минимум на 10 п.п. к прошлому году) [35, с. 229].

В настоящем исследовании в качестве критического порога идентификации валютного кризиса принято номинальное обесценение национальной валюты на 15 % за год.

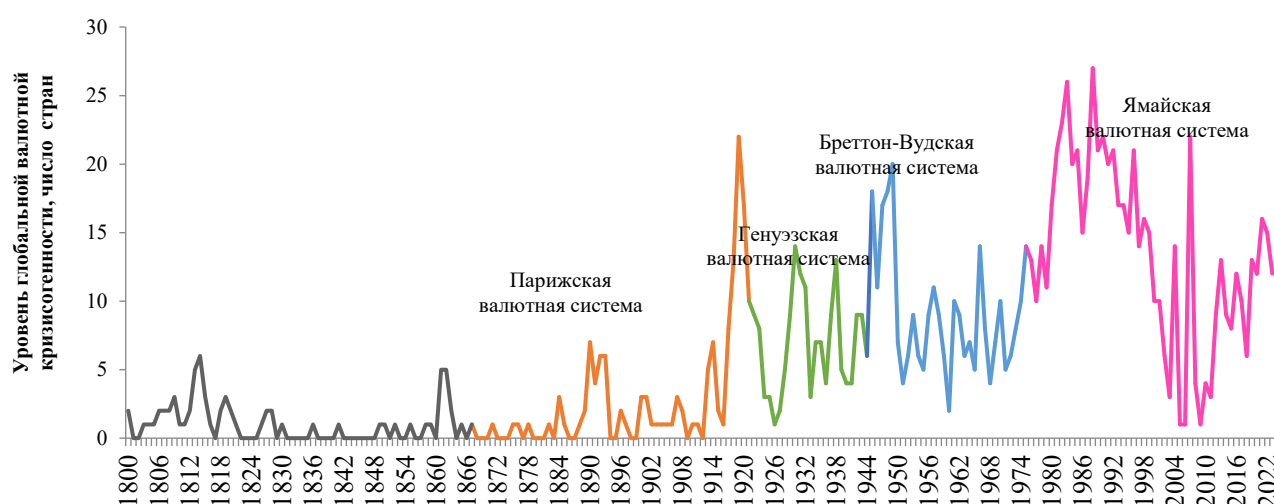
⁴ Финстра, Р. К. Международная макроэкономика. Учебник / Р. К. Финстра, А. М. Тейлор; пер. с англ. — Москва: Дело, 2019. — 600 с. — С. 448. — ISBN 978-5-85006-150-0. — URL: <https://e.lanbook.com/book/171105> (дата обращения: 21.07.2026).

Как показали в своей работе Г. Милези-Ферретти и А. Разин [31], глобальный стандарт МВФ ($\geq 30\%$) фиксирует лишь масштабные и более системные валютные потрясения, эпизоды гиперинфляции и гипердевальвации, неизбежно упуская скрытые («тихие») валютные шоки. Напротив, планка в 15% позволяет гибко и своевременно улавливать дестабилизацию национальной валютной сферы. При этом, по мнению указанных исследователей, данный уровень фильтрации успешно отсекает краткосрочный рыночный шум (в том числе эффект гиперреакции обменного курса).

С целью оценки динамики валютной кризисогенности в масштабах мировой экономики автором предлагается показатель «уровень глобальной валютной кризисогенности». Данный параметр определяется как совокупное число стран, в которых в течение календарного года был зафиксирован валютный кризис. В свою очередь, критерием идентификации самого кризиса, как уже было обозначено, выступает годовое снижение номинального курса национальной валюты на 15% и более. Следовательно, рассчитываемый уровень глобальной валютной кризисогенности позволяет выразить в абсолютных величинах количество произошедших кризисных эпизодов и охарактеризовать масштабы распространения валютно-финансовой нестабильности в мире.

На основе принятого критерия был проведён ретроспективный дескриптивно-статистический анализ долгосрочных данных по динамике номинального обменного курса. Расчёты по базе Гарвардской школы бизнеса⁵ за период 1800–2024 гг. показали, что в 70 странах произошло 1299 валютных кризисов. В свою очередь, анализ статистических данных БМР⁶ за 1960–2025 гг. позволил выявить 1621 кризисный эпизод в 190 странах и территориях мира.

На основе проанализированного эмпирического материала впервые была выстроена долгосрочная динамика уровня глобальной валютной кризисогенности. Полученный временной ряд, отражающий изменение этого показателя в контексте трансформации мировой валютно-финансовой системы, представлен на рисунке 1. В соответствии с ним количество и частота валютных кризисов распределялись по историческим периодам неравномерно.

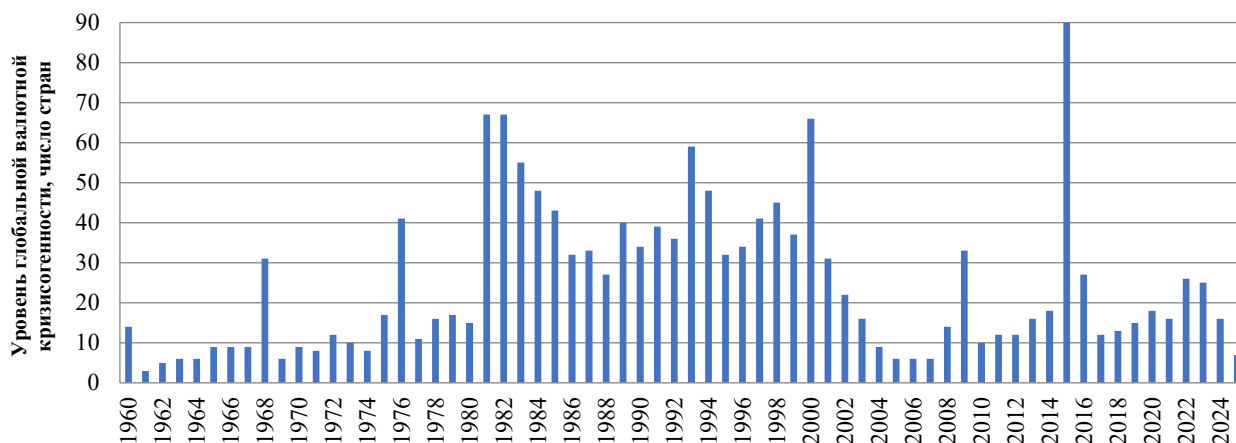

Рисунок 1. Динамика уровня глобальной валютной кризисогенности в процессе эволюции мировой валютно-финансовой системы (составлено автором)

⁵ Global Crises Data by Country. — Режим доступа: URL: <https://www.hbs.edu/behavioral-finance-and-financial-stability/data/Pages/global.aspx> (дата обращения: 15.07.2026).

⁶ Bilateral exchange rates. — Режим доступа: URL: <https://data.bis.org/topics/XRU/data> (дата обращения: 15.07.2026).

Для выявления особенностей и закономерностей развития глобальной валютной кризисогенности и более детального анализа современных тенденций валютной нестабильности аналогичные расчёты были проведены на основе расширенной эмпирической базы. Полученная динамика уровня глобальной валютной кризисогенности, охватывающая более широкий круг стран за последние десятилетия, представлена на рисунке 2.

Рисунок 2. Динамика уровня глобальной валютной кризисогенности по расширенной выборке стран и территорий (составлено автором)

Полученные динамические ряды изменения уровня глобальной валютной кризисогенности подтверждают способность предложенного показателя фиксировать интенсивность и масштабы валютно-финансовой нестабильности. При этом выявленная неравномерность развития валютной кризисогенности наглядно указывает на то, что в разные исторические периоды распространённость и специфика валютных кризисов определялись состоянием мировой валютно-финансовой системы.

Закономерности и особенности развития глобальной валютной кризисогенности

Переход от одного международного валютного порядка к другому — смена самих валютно-финансовых систем. Обычно этот процесс вызван дисбалансами и дисфункциями старого порядка, которые проявляются в деструктивной валютной нестабильности. Её частным случаем выступают валютные кризисы. Иными словами, постоянные, продолжительные и тяжёлые обвалы валютных курсов — это симптом кризиса привычной системы и сигнал о необходимости структурных преобразований. В этом качестве валютные кризисы проявляются как ранняя необходимость изменения международного валютного порядка.

При этом любые трансформационные процессы в экономике протекают по шumpетеровской формуле «созидательного разрушения» [36; 37]. Выстраивание новой глобальной валютно-финансовой архитектуры всегда подразумевает демонтаж прежних институтов, механизмов и связей. В свою очередь, это предполагает синхронизацию и взаимную настройку различных национальных финансовых и валютных систем, что редко обходится без временных сбоев и потрясений. В данных условиях валютные кризисы выступают естественными трансформационными и адаптационными издержками, являются специфичным и при этом жёстким способом приспособления к меняющимся экономическим реалиям.

Кроме того, валютные потрясения могут быть имманентным свойством функционирования самой мировой валютно-финансовой системы. По своей природе товарный стандарт жёстко ограничивал количество денежных средств, формируя условия для курсовой стабильности. В отличие от него фидуциарный стандарт в плане наличия действенных количественных

ограничений и противовесов более уязвим. При фидуциарном стандарте риски использования правительственными структурами и денежными властями «печатного станка» значительно выше, чем при товарном. Следовательно, фидуциарная система потенциально обладает большим уровнем глобальной валютной кризисогенности. Это полностью подтверждается ходом экономической истории.

Представленная на рисунке 1 динамика глобальной валютной кризисогенности наглядно иллюстрирует, что в течение XIX и в самом начале XX века падения курсов национальных валют происходили редко. Подобные шоки провоцировались, главным образом, революционными событиями, вооружёнными столкновениями либо их завершением. В эти периоды побеждённые государства вместе со своими союзниками неизбежно сталкивались с бременем репарационных выплат, трудностями при обслуживании накопленных обязательств и кризисом национальных финансовых (денежных) систем. Первое масштабное повышение уровня глобальной валютной кризисогенности, выразившееся в лавинообразном росте числа эпизодов девальвации, зафиксировано в военные и послевоенные годы (1914–1922 гг.). Данный этап ознаменовал старт Эры валютной кризисогенности (1914 г. — н.в.), когда обвалы обменных курсов превратились в постоянный атрибут функционирования мировой валютно-финансовой системы и всей глобальной экономики.

Переход к Эре валютной кризисогенности — прямое следствие колоссального увеличения военных расходов в ходе Первой мировой войны и отказа от товарного стандарта. До начала этого конфликта классический золотой стандарт функционировал стабильно, последовательно расширял свою географию и укреплял международную валютно-финансовую архитектуру. Однако форсированное финансирование армий и оборонно-промышленного сектора полностью ликвидировало эту устойчивость. Затраты противоборствующих держав на ведение боевых действий более чем в 12 раз превысили их совокупные золотые резервы [38, с. 40], а также превзошли суммарные военные расходы за всё предшествующее столетие [38, с. 48]. Столкнувшись с критическим дефицитом государственных бюджетов, правительства начали активно наращивать внутренние и внешние займы, а центральные банки запустили механизмы необеспеченной бумажно-денежной эмиссии. Результатом такой политики стали масштабные инфляционные процессы и дестабилизация национальной валютной сферы, где помимо классических валютных кризисов распространилась неконтролируемая практика параллельных валютных рынков и множественности обменных курсов. В частности, к концу 1915 г. рыночная стоимость золотого рубля уже вдвое превышала номинал его бумажного аналога [38, с. 45].

Обусловленный Первой мировой войной крах золотого стандарта привёл к внедрению усечённых золотодевизных механизмов, что сняло жёсткие барьеры на пути бумажно-денежной эмиссии. Беспрецедентные военные издержки разрушили многолетние валютные паритеты. Вынужденный демонтаж полноценного золотого обеспечения запустил эволюционный переход от товарного стандарта к фидуциарному. Именно это открыло путь к Эре валютной кризисогенности.

Великая эпоха валютных кризисов (1980-е и 1990-е гг.) выделяется в рамках всей Эры валютной кризисогенности как уникальный период. Ему присущи исключительные масштабы количества, частоты и тяжести валютных потрясений. В 1980-х гг. было зафиксировано 200, а в 1990-х гг. — 184 валютных кризиса. Данные показатели почти в 2 раза превышают уровень глобальной валютной кризисогенности каждого другого десятилетия Эры. Кроме того, значения за указанные периоды оказались почти в 3–4 раза больше, чем показатели в XIX веке.

Расширенная выборка по 190 странам и территориям мира за период с 1960 по 2025 гг. позволяет детально изучить динамику структуры глобальной валютной кризисогенности. Результаты полученных расчётов (табл. 1) чётко подтверждают, что основная масса валютных

кризисов пришлась на 1980-е и 1990-е гг. В зависимости от выбранного процента обесценения курса национальной валюты на эти два десятилетия суммарно приходится от 54,8 % (при пороге ≥ 15 %) до 72,6 % (при пороге ≥ 100 %) всех валютных кризисов за указанный период.

Таблица 1

Структура глобальной валютной кризисогенности в зависимости от критического порога идентификации валютных кризисов за период 1960–2025 гг.

Критический порог обесценения обменного курса, %	Доля валютных кризисов за десятилетие от общего количества валютных кризисов за анализируемый период, % к итогу							
	1960-е	1970-е	1980-е	1990-е	2000-е	2010-е	2020-е	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9
≥ 15	5,54	8,92	25,62	29,16	12,61	12,29	5,87	100,00
≥ 20	5,76	9,43	27,12	30,89	10,99	9,94	5,86	100,00
≥ 25	6,17	9,64	28,03	33,42	9,12	7,72	5,91	100,00
≥ 30	5,60	10,16	28,33	33,49	8,94	8,03	5,46	100,00
≥ 35	5,08	9,82	28,60	35,03	8,46	7,44	5,58	100,00
≥ 40	4,85	10,08	30,04	33,95	8,40	7,65	5,03	100,00
≥ 45	4,50	10,45	30,94	35,04	7,38	6,96	4,72	100,00
≥ 50	4,86	10,17	32,30	34,96	7,52	6,19	3,98	100,00
≥ 55	4,93	8,63	32,02	36,21	7,89	6,41	3,94	100,00
≥ 60	5,35	8,55	32,36	37,17	8,29	4,55	3,74	100,00
≥ 65	5,77	8,65	32,28	36,89	7,78	4,90	3,74	100,00
≥ 70	5,24	8,33	32,10	37,96	7,41	4,94	4,01	100,00
≥ 75	5,39	8,75	32,66	37,38	7,75	4,37	3,70	100,00
≥ 80	5,05	8,30	33,21	37,55	7,94	3,97	3,97	100,00
≥ 85	4,69	7,81	33,59	38,28	8,20	3,52	3,91	100,00
≥ 90	4,56	8,30	33,61	38,17	8,30	3,32	3,73	100,00
≥ 95	4,72	8,58	33,91	37,34	8,15	3,43	3,86	100,00
≥ 100	3,72	8,84	34,88	37,67	7,91	3,26	3,72	100,00

Рассчитано и составлено автором на основании данных БМР⁷

При этом прослеживается важная закономерность: чем выше относительная величина падения обменного курса, тем сильнее концентрация таких падений в конце XX века. Так, при базовом критерии в 15 % доля 1980-х гг. составляет 25,6 %, а 1990-х — 29,2 % от общего числа валютных кризисов, идентифицируемых таким критерием.

Однако при глубоком крахе валюты (≥ 100 %) эти показатели увеличиваются до 34,9 % и 37,7 % соответственно. Это доказывает, что в Великую эпоху валютных кризисов валютные потрясения были не просто частыми, но и самыми тяжёлыми.

В XXI веке ситуация изменилась: в 2000-е и 2010-е гг. доля масштабных обвалов обменных курсов пошла на спад.

Великая эпоха валютных кризисов 1980-х и 1990-х гг. — пик Эры валютной кризисогенности (1914 г. — н.в.). Её существование обусловлено рядом фундаментальных факторов.

1. Демонтаж Бреттон-Вудской валютно-финансовой системы. Ключевым фактором стал отказ от порядка фиксированных курсов и золотодолларового стандарта. Переход к ямайским принципам предоставил странам свободу выбора национального валютного режима, снял ограничения на трансграничные финансовые потоки и институционализировал фидуциарный стандарт. Свободное рыночное курсообразование резко повысило волатильность национальных валют, сделав их уязвимыми к деструктивным флуктуациям под воздействием макро- и внешнеэкономических изменений.

⁷ Bilateral exchange rates. URL: <https://data.bis.org/topics/XRU/data> (дата обращения: 15.07.2026).

2. **Энергетический шок и долговой кризис Латинской Америки.** Затяжной рост цен на нефть и газ в конце 1970-х — начале 1980-х гг. ухудшил торговые балансы индустриальных стран и спровоцировал в них стагфляцию и слампфляцию. Для стабилизации ситуации их денежные власти резко повысили учётные ставки (эффект П. Волкера). Это нанесло удар по развивающимся рынкам (Мексике, Бразилии, Аргентине, Перу и др.), которые в период «дешёвой» ликвидности активно привлекали синдицированные кредиты и займы с плавающей ставкой на международных долговых рынках. Ужесточение денежно-кредитной политики на Западе сделало обслуживание этих обязательств непосильным и вызвало серию дефолтов и валютных кризисов.

3. **Падение цен на углеводороды во второй половине 1980-х гг.** вектор сырьевого ценового повышательного тренда изменился на противоположный. Это ударило по счетам текущих операций стран-экспортёров (Алжир, Венесуэла, Мексика, Нигерия, СССР и др.). Острый дефицит валютной ликвидности лишил их возможности полноценно выполнять внешние обязательства и обеспечивать импорт. Сокращение притока нефтедолларов подорвало экономический рост экспортёров, став причиной масштабных финансовых потрясений (в том числе валютных кризисов).

4. **Торжество неолиберализма и Вашингтонского консенсуса.** В 1980–1990-е гг. доминирующей идеологией и базисом экономической политики многих стран стали идеи неолиберализма, вытеснившие послевоенный дирижизм. Манифестом этого курса выступил Вашингтонский консенсус, требовавший финансовой либерализации и открытия внутренних рынков. Демонтаж жёсткого валютного контроля на фоне глобализации и финансиализации интенсифицировал трансграничные потоки капитала, открыл путь для масштабных спекуляций и породил феномен «горячих денег». В этих условиях европейские валютные кризисы начала 1990-х гг. были вызваны спекулятивными атаками, а обвалы обменных курсов во второй половине десятилетия в странах Азии, Африки и Латинской Америки — стремительным оттоком краткосрочного финансового капитала.

5. **Деколонизация, суверенизация и рост конвертируемости валют.** К 1980-м гг. завершились процессы деколонизации, в результате которых бывшие зависимые территории вместе с суверенитетом обрели собственные денежные единицы. На рубеже 1990-х гг. лавинообразный прирост новых национальных валют обеспечил распад социалистического блока («парад суверенитетов»). Формирование новых государств привело к кратному увеличению числа стран, принявших обязательства по Статье VIII Соглашения МВФ.⁸ Если в 1940-е гг. к ней присоединились 6 стран, в 1950-е — 3, в 1960-е — 26, в 1970-е — 18, а в 1980-е — 15, то в 1990-е гг. произошел исторический скачок — сразу 73 государства [39, с. 206]. Больше число конвертируемых национальных валют предполагает потенциально большее количество валютных потрясений.

Долгосрочная динамика уровня глобальной валютной кризисогенности свидетельствует о том, что масштабные всплески валютных шоков исторически привязаны к периодам радикальной трансформации международного валютного порядка.

Наиболее рельефно эта закономерность проявилась на стыке валютно-институциональных укладов, когда демонтаж Бреттон-Вудских соглашений и переход к Ямайскому порядку спровоцировали затяжной системный дисбаланс, вылившийся в Великую эпоху валютных кризисов 1980–1990-х гг.

---

⁸ Articles of agreement of the International Monetary Fund: adopted at the United Nations Monetary and Financial Conference, Bretton Woods, New Hampshire, July 22, 1944. — Режим доступа: URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/pdf/aa.pdf> (дата обращения 15.07.2026).

Ретроспективный анализ Эры валютной кризисогенности подтверждает, что в моменты межсистемных переходов, пока новые защитные механизмы и принципы рыночной валютно-финансовой синхронизации ещё не сформированы окончательно, мировая экономика становится максимально уязвимой к валютным кризисам. Изменение конфигурации денежных стандартов неизбежно сопровождается временным ростом международной валютной нестабильности, что делает уровень глобальной валютной кризисогенности важнейшим «барометром» структурных изменений в международных финансах.

Заключение

Поставленная в работе цель — теоретико-методологическое обоснование и количественная оценка долгосрочной динамики уровня глобальной валютной кризисогенности в контексте смены международных валютных порядков — полностью достигнута. Достижение цели обеспечено сочетанием глубокого теоретического анализа и статистической обработки долгосрочных ретроспективных данных более чем за двухвековой период, что позволило подтвердить научные выводы конкретными расчётами.

Научная новизна работы заключается в семантическом уточнении понятия «кризисогенность», раскрытии природы феномена валютной кризисогенности, разработке показателя уровня глобальной валютной кризисогенности, на базе которого построена долгосрочная динамика и осуществлена концептуальная периодизация развития международной валютной нестабильности (Эра валютной кризисогенности и Великая эпоха валютных кризисов), а также в установлении и теоретическом обосновании причинно-следственных связей между трансформацией международного валютного порядка и такой динамикой. Проведённое исследование эмпирически доказывает, что масштабные всплески валютной нестабильности привязаны к периодам трансформации международного валютного порядка. Опыт Эры валютной кризисогенности наглядно иллюстрирует, что вынужденный демонтаж классических товарных стандартов и переход к фидуциарным системам лишили глобальную экономику курсовой стабильности.

Предложенный показатель уровня глобальной валютной кризисогенности позволил количественно верифицировать теоретические положения и выявить особенности и закономерности эволюции мировой валютно-финансовой системы. Построенные временные ряды свидетельствуют о том, что в процессе трансформации международного валютного порядка валютные кризисы одновременно выступают причиной, издержками и продуктом такой трансформации. Кроме того, расчёты подтвердили, что Великая эпоха валютных кризисов конца 1980-х и 1990-х гг. уникальна не только беспрецедентной частотой и количеством валютных потрясений, но и их глубиной. Несмотря на то, что в XXI веке удельный вес масштабных обвалов обменных курсов демонстрирует спад, природа современного этапа развития мировой валютно-финансовой системы остаётся имманентно кризисогенной.

Полученные результаты полностью подтверждают гипотезу исследования, доказывая нелинейный и неравномерный характер динамики глобальной валютной кризисогенности. Авторские расчёты наглядно продемонстрировали, что траектория этой динамики, главным образом, предопределена не случайными экзогенными (внешними) шоками, а текущим этапом развития мировой валютно-финансовой системы. Уровень глобальной валютной кризисогенности возрастает пропорционально уровню её дисфункциональности (накоплению внутренних противоречий и дисбалансов) и степени трансформационности (интенсивности межсистемного перехода).

Практическая значимость исследования заключается в разработке прикладного аналитического инструментария для национальных и международных регуляторов, позволяющего интегрировать показатель уровня глобальной валютной кризисогенности в макроэкономические системы

раннего предупреждения валютных кризисов. В частности, разработанный показатель может быть использован для оценки эффекта «внешнего заражения» национальной валютной сферы. Выявленные закономерности и особенности развития валютной кризисогенности служат стратегическим ориентиром для диверсификации структуры золотовалютных резервов, дедолларизации трансграничных расчётов и снижения уязвимости национальных экономик к глобальным валютным шокам в условиях перманентной трансформации мировой валютно-финансовой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Crotty, J. Structural causes of the global financial crisis: a critical assessment of the 'new financial architecture' / J. Crotty // Cambridge Journal of Economics. — 2009. — Т. 33, № 4. — С. 563–580. — DOI: 10.1093/cje/bep023. — URL: https://www.researchgate.net/publication/23694037_Structural_causes_of_the_global_financial_crisis_a_critical_assessment_of_the_new_financial_architecture (дата обращения: 20.07.2026).
2. Financialization and the World Economy / ed. by G.A. Epstein. — Northampton: Edward Elgar Publishing, 2005. — 456 p. — ISBN: 978-1-84376-874-6. — URL: <https://www.elgar.com/shop/gbp/financialization-and-the-world-economy-9781843768746.html> (дата обращения: 20.07.2026).
3. Minsky, H.P. The Financial Instability Hypothesis / H.P. Minsky // Levy Economics Institute Working Paper. — 1992. — № 74. — С. 1–9. — DOI: 10.2139/ssrn.161024. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=161024 (дата обращения: 20.07.2026).
4. Borio, C., M. Drehmann. Towards an operational framework for financial stability: 'fuzzy' measurement and its consequences / C. Borio, M. Drehmann // BIS Working Papers. — 2009. — № 284. — С. 1–45. — URL: <https://www.bis.org/publ/work284.pdf> (дата обращения: 20.07.2026).
5. Лексин, В. Н. Цивилизационный кризис и его российские последствия / В. Н. Лексин // Общественные науки и современность. — 2009. — № 6. — С. 5–18. — EDN: LJLGHF.
6. Лексин, В. Н. Цивилизационный кризис: мир и Россия / В. Н. Лексин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2009. — Т. 2, № 6. — С. 24–42. — EDN: MWGQYJ.
7. Сильвестров, С. Н. Мировой экономический кризис и формирование новой архитектуры глобальной экономики / С. Н. Сильвестров // Вестник Финансовой академии. — 2009. — № 2(50). — С. 5–11. — EDN: KKNCBN.
8. Сильвестров, С. Н. Возрастающая кризисогенность глобального развития мировой экономики и ее последствия / С. Н. Сильвестров // Россия в ВТО: финансово-экономические риски. — 2013. — С. 218–224. — EDN: WKRVKJ.
9. Крупнов, Ю. А., С. Н. Сильвестров. Кризисогенность глобальных рисков: факторы роста и направления антикризисной политики / Ю. А. Крупнов, С. Н. Сильвестров // Проблемы анализа риска. — 2025. — Т. 22, № 1. — С. 24–33. — EDN: FRBTZN.
10. Балюк, И. Особенности и основные тренды развития современного мирового финансового рынка / И. Балюк // Общество и экономика. — 2024. — № 9. — С. 38–56. — DOI: 10.31857/S0207367624090037. — EDN: AMTPBA.

11. Кузнецов, А. В. Доллар США как предпосылка кризисогенности мировой валютно-финансовой системы / А. В. Кузнецов // Финансы: теория и практика. — 2024. — Т. 28, № 6. — С. 164–174. — DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-6-164-174. — EDN: RKXAKY.
12. Кузнецов, А. В. Кризисогенность мировой валютно-финансовой системы: фундаментальный анализ / А.В. Кузнецов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2022. — Т. 15, № 6. — С. 46–63. — DOI: 10.31249/kgt/2022.06.03. — EDN: QIRHIO.
13. Смирнов, Ф. А., А. В. Головков. От кризисогенности глобального развития к преобразованию мировой финансово-экономической архитектуры / Ф. А. Смирнов, А. В. Головков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. — 2021. — Т. 29, № 1. — С. 210–222. — DOI: 10.22363/2313-2329-2021-29-1-210-222. — EDN: SCQPLD.
14. Ибрагимов, Ф. К. Анализ динамики валютного сегмента МФР в период кризисогенности мировой экономики / Ф. К. Ибрагимов // Вестник евразийской науки. — 2025. — Т. 17, № S3. — EDN: NEOOBJ.
15. Ибрагимов, Ф. К. Факторный анализ динамики мировых фондовых индексов / Ф. К. Ибрагимов // Вестник евразийской науки. — 2025. — Т. 17, № S2. — EDN: XQXCEG.
16. Морозов, С.А. Кризисогенность государственного долга в современных условиях на примере латиноамериканских стран / С.А. Морозов // Финансовый бизнес. — 2023. — № 10 (244). — С. 276–280. — EDN: SLNXXD.
17. Тарасов, М. Ю. Введение в теорию валютно-финансового навеса: переосмысление валютных кризисов / М. Ю. Тарасов // Финансы и кредит. — 2025. — Т. 31, № 12. — С. 226–244. — DOI: 10.24891/enfozx. — EDN: ENFOZX.
18. Тарасов, М. Ю. Проблема идентификации, ретроспективная динамика и гипотеза цикличности валютных кризисов / М. Ю. Тарасов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2026. — Т. 19, № 1. — С. 89–107. — DOI: 10.24891/chbubw. — EDN: CHBUBW.
19. Тарасов, М. Ю. Трансформация мировой валютной системы: от Парижского к Постямайскому международному валютному порядку / М. Ю. Тарасов // Экономические отношения. — 2025. — Т. 15, № 2. — С. 289–310. — DOI: 10.18334/eo.15.2.122473. — EDN: AYCAKT.
20. Challis, C.E. The Tudor Coinage / C.E. Challis. — Cambridge: Cambridge University Press, 1978. — 348 с. — URL: <https://archive.org/details/tudorcoinage1978chal> (дата обращения: 20.07.2026).
21. Глущенко, К. П. К мифологии экономической истории / К. П. Глущенко // ЭКО. — 2025. — № 4(604). — С. 252–266. — DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-4-252-266. — EDN: EANXDD.
22. Гореликов, К. А., А. В. Комаров. Финансовый кризис 1931 года и влияние Великой депрессии на экономику Англии / К. А. Гореликов, А. В. Комаров // Наука. Общество. Оборона. — 2019. — № 2(19). — С. 2. — DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10185. — EDN: YYHBZB.
23. Кирсанов, А. К., П. С. Гребенюк, А. А. Сурков. Трансформация золотого стандарта и централизация золотовалютных резервов в 1930–1945 гг. / А. К. Кирсанов, П. С. Гребенюк, А. А. Сурков // ЭКО. — 2026. — № 4(610). — С. 200–229. — DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2026-4-200-229. — EDN: UPKTLY.

24. Тарасов, М. Ю. Валютные кризисы в контексте мировых валютных войн / М. Ю. Тарасов // Экономические отношения. — 2025. — Т. 15, № 1. — С. 11–30. — DOI: 10.18334/eo.15.1.122458. — EDN: OITXMQ.
25. Сидоров, А. А. Кейнс против Уайта: в поисках единой валютной системы / А. А. Сидоров // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2016. — № 3. — С. 3–10. — EDN: WAOTKT.
26. Люкевич, И. Н. Мировые деньги: теоретические основы и принципы / И. Н. Люкевич // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2011. — № 1. — С. 116–129. — EDN: NSAJLX.
27. Безвезюк, К. Бреттон-Вудская система — ретроспектива и перспектива / К. Безвезюк // Актуальные вопросы инновационной экономики. — 2015. — № 12. — С. 194–198. — EDN: VRANUN.
28. Адлер, И. Э. США в мировой валютно-финансовой системе / И. Э. Адлер // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2010. — № 10. — С. 65–71. — EDN: NDNNTX.
29. Тарасов, М. Ю. Валютные кризисы и "провалы" валютных режимов / М. Ю. Тарасов // Экономика, предпринимательство и право. — 2025. — Т. 15, № 7. — С. 4987–5008. — DOI: 10.18334/epp.15.7.123261. — EDN: PSHQRG.
30. Рейнхарт, К. М., К. Рогофф. На этот раз всё будет иначе: Восемь столетий финансового безрассудства / К. М. Рейнхарт, К. Рогофф; пер. с англ. — Москва: Карьера Пресс, 2011. — LVI, 470 с. — URL: <https://djvu.online/file/s5RBqrAUg3nNz> (дата обращения: 20.07.2026).
31. Milesi-Ferretti, G.M., A. Razin. Current Account Reversals and Currency Crises: Empirical Regularities / G.M. Milesi-Ferretti, A. Razin // IMF Working Paper. — 1998. — № 089. — 44 p. — URL: https://www.researchgate.net/publication/4751067_Current_Account_Reversals_and_Currency_Crises_Empirical_Regularities (дата обращения: 20.07.2026).
32. Монтес, М. Ф., В. В. Попов. "Азиатский вирус" или "голландская болезнь"? Теория и история валютных кризисов в России и в других странах / М. Ф. Монтес, В. В. Попов. — Москва: Дело, 1999. — 136 с. — ISBN: 5-7749-0161-0. — URL: <https://www.livelib.ru/book/1000954392-aziatskij-virus-ili-gollandskaya-bolezn-teoriya-i-istoriya-valyutnyh-krizisov-v-rossii-i-drugih-stranah-vladimir-popov> (дата обращения: 20.07.2026).
33. Frankel, J.A., A.K. Rose. Currency crashes in emerging markets: an empirical treatment / J.A. Frankel, A.K. Rose // Journal of International Economics. — 1996. — Т. 41, № 3–4. — С. 351–366. — DOI: 10.1016/S0022-1996(96)01441-9. — URL: https://www.researchgate.net/publication/222456450_Currency_Crashes_in_Emerging_Markets_An_Empirical_Treatment (дата обращения: 20.07.2026).
34. Тарасов, М. Ю. Показатель "Дамокл" как индикатор раннего предупреждения валютных кризисов: критический анализ / М. Ю. Тарасов // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. — 2023. — № 10. — С. 185–190. — EDN: IGPFSF.
35. Laeven, L., F. Valencia. Systemic Banking Crises Database: An Update / L. Laeven, F. Valencia // IMF Economic Review. — 2012. — № 163. — С. 1–33. — DOI: 10.5089/9781475505054.001. — URL: <https://www.imf.org/en/publications/wp/issues/2016/12/31/systemic-banking-crises-database-an-update-26015> (дата обращения: 21.07.2026).

36. Гамидуллаева, Л. А. От шumpетерианской теории созидательного разрушения к синергетической парадигме инноваций / Л. А. Гамидуллаева // Журнал экономической теории. — 2019. — Т. 16, № 3. — С. 498–512. — DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.17. — EDN: UWFKQJ.
37. Кушнир, А. М. На полях империализмов Й. Шumpетера: между прошлым и будущим / А. М. Кушнир // Журнал институциональных исследований. — 2026. — Т. 18, № 1. — С. 35–49. — DOI: 10.17835/2076-6297.2026.18.1.035-049. — EDN: IFPYXU.
38. Муравьева, Л. А. Экономика и финансы России в период Первой мировой войны (1914–1918) / Л. А. Муравьева // Финансы и кредит. — 2002. — № 6(96). — С. 39–48. — EDN: HUXUPT.
39. Борисов, С. М. Рубль — валюта России / С. М. Борисов. — Москва: Консалтбанкир, 2004. — ISBN: 5-85187-117-2. — EDN: QQFSDB.

Tarasov Mikhail Yurievich

Russian Foreign Trade Academy of Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: tarasov.mihal@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9038-9842>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1084997

The relationship between global currency crisis proneness dynamics and the transformation of the international monetary system

Abstract. This paper investigates global currency crisis proneness during the international monetary system (IMS) transformation. The topic's relevance stems from the shift from the commodity to the fiat standard, amplifying macro- and external economic impacts on exchange rate volatility. Synthesizing Russian and foreign scholarship, the author refines «crisis proneness» and elucidates global currency vulnerability. The paper reviews the historical stages of IMS evolution (Paris, Genoa, Bretton Woods, Jamaica) and highlights its transformation features. Theoretical findings and a comparative analysis of crisis identification approaches facilitated developing a novel metric: «the level of global currency crisis proneness». This indicator quantifies absolute crisis episodes and characterizes worldwide instability. Utilizing retrospective descriptive-statistical analysis of long-term nominal exchange rates, the study constructs corresponding time series. The empirical baseline draws on datasets from Harvard Business School (70 countries, 1800–2024) and the Bank for International Settlements (190 countries, 1960–2025), establishing the relationship between crisis proneness dynamics and IMS transformation. Specifically, the study proposes a historical periodization, distinguishing the Era of Currency Crisis Proneness and the Great Epoch of Currency Crises. Spikes in crisis proneness occur primarily during transitions between IMS stages. Concurrently, currency crises serve as the root cause, structural cost, and byproduct of these systemic changes.

Keywords: international monetary system; currency crisis; financial instability; exchange rate volatility; financial architecture; systemic transformation; exchange rate